

A woman with brown hair, wearing a red flight suit with an American flag patch, is shown from the chest up in a cockpit. She is looking out the window. In the background, two military aircraft are flying over a desert landscape with snow-capped mountains. The sky is blue with some clouds. The text 'Майя М.' is visible on the side of the upper aircraft.

Майя М.

Второй пилот

Майя М. Второй пилот

<https://litres.ru/74408158>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — пилот, выжившая в катастрофе, в которой погиб её жених. Он — циничный инструктор, сын владельца корпорации, ответственной за крушение. Их роман вспыхивает в кабине самолёта, а расследование приводит к раскрытию страшной правды. История о любви, страхе, преодолении и справедливости, о том, что даже после самого страшного падения можно снова взлететь.

Содержание

Глава 1. Возвращение в небо	4
Глава 2. Отель на краю ночи	25
Глава 3. Грань	45
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Майя М.

Второй пилот

Глава 1. Возвращение в небо

Запах авиационного керосина вьелся в бетонные стены ангара, в промасленные тряпки, в самую ткань реальности, которая начиналась за турникетом лётного комплекса. Ксения стояла у окна, выходявшего на перрон, и смотрела, как тягач медленно, с чудовищной грацией гигантского насекомого, подтаскивает к телескопическому трапу её самолёт. Дождь барабанил по стеклу, размывая очертания воздушного судна, превращая его в тёмное, влажное пятно с горящими габаритными огнями. Красный, зелёный, белый. Мигали, как пульс. Её собственный пульс отдавался где-то в висках, в кончиках пальцев, которыми она сжимала пластиковый стаканчик с остывшим кофе. Вкус был отвратительный, горький, как и всё в это утро.

Она не летала триста сорок два дня. Не считала, просто помнила. Каждая цифра врезалась в память, словно зарубка на прикладе. Триста сорок два дня с того вечера, когда небо перестало быть её домом и стало приговором. С того вечера, когда она сидела в левом кресле, а он — в правом, и они смеялись над какой-то глупой шуткой, пока земля не броси-

лась им навстречу.

Ксения закрыла глаза. Перед внутренним взором мгновенно вспыхнула картинка: белая пелена за стеклом, вой сирены, крик, который, как ей потом сказали, принадлежал ей, но она его не слышала. Только хруст металла. И тишина. А потом — боль. Не физическая, та пришла позже, вместе с переломами и ушибами. Боль от осознания, что в правом кресле больше никто не сидит. Что кресло пусто, потому что его вырвало с корнем, когда они зацепили крылом верхушки деревьев на подлёте к аэропорту, который уже был виден в дымке.

— Тебе нужно решить, ты проходишь или нет? — голос за спиной прозвучал неожиданно, и Ксения вздрогнула так сильно, что кофе выплеснулся на рукав её белой рубашки. Она резко обернулась. Перед ней стоял командир эскадрильи, седой, грузный мужчина с лицом человека, который пережил столько, что его уже ничем нельзя удивить. Он держал в руке планшет, на котором, вероятно, был её предполётный лист.

— Я уже решила, — Ксения старалась, чтобы голос звучал ровно, но он предательски дрогнул. Она поставила стаканчик на подоконник и разлепила влажные от пота пальцы. — Прохожу.

Командир посмотрел на неё долгим, изучающим взглядом. Он знал. Все знали. Эта история облетела все авиакомпания за первые сутки. Пилот, выжившая в катастрофе, в ко-

торой погиб её жених. Трагедия, сенсация, сплетня. Её имя стало синонимом слова «роковая». А теперь она снова в форме, снова у трапа, и все делают вид, что так и надо. Что это нормально.

— Хорошо, — кивнул он. — Вторым пойдёшь с Барковым. Он уже в кабине. Проводит инструктаж.

Имя резануло слух. Барков. Она слышала о нём. Легенда и проклятие лётного состава. Циничный, грубый, гениальный пилот, которого то отстраняли, то возвращали с почестями. Говорили, что он из тех, кто может посадить самолёт с отказавшим двигателем в горах и выйти из кабины с такой ухмылкой, будто выиграл партию в покер. Говорили также, что с ним невозможно работать. Что он не признаёт слабости. Что он выжимает из напарников всё до последней капли и не терпит возражений. Идеальный напарник для женщины, которая боится собственной тени в кабине.

— Поняла, — Ксения сглотнула комок в горле. Во рту было сухо, как в раскалённой пустыне. — Иду.

Она развернулась и пошла по коридору, чувствуя на себе взгляд командира. Каждый шаг давался с трудом, ноги были ватными, словно чужими. Мимо проходили техники в спецодежде, стюардессы с идеальными причёсками, пахло кофе, духами и сыростью. Обычная суета, в которой она когда-то чувствовала себя как рыба в воде. Теперь же каждый звук, каждый запах казался враждебным, усиленным до предела. Собственное сердце бухало в груди, как молот, отдаваясь в

ушах.

У выхода на перрон её накрыло волной ледяного ветра. Дождь хлестал по асфальту, по крылу самолёта, по жёлтым жилетам наземного персонала. Ксения натянула пилотскую куртку, поправила фуражку и шагнула в эту промозглую мглу. Ботинки тут же промокли. Она шла к трапу, не поднимая глаз, глядя только на неровный бетон, на лужи, в которых дрожали отражения огней. Самолёт возвышался над ней, огромный, молчаливый, и его обтекатели походили на жабры какого-то доисторического чудовища, которое готово поглотить её целиком.

Трап был мокрым и скользким. Она поднималась медленно, считая ступени. Двенадцать, тринадцать, четырнадцать. Каждый вдох — маленькая победа. Дверь в кабину была приоткрыта. Оттуда пахло пластиком, кожей кресел и тем самым керосином, который, казалось, пропитал всё вокруг. Она толкнула дверь и вошла.

В пилотской кабине царил полумрак, разбавленный мягким светом приборов. Экраны уже светились, выводили какие-то данные, стрелки на панели подрагивали в такт вибрации от вспомогательной силовой установки. В правом кресле сидел мужчина. Он даже не обернулся, когда она вошла. Просто продолжал что-то быстро нажимать на панели, переключая тумблеры с какой-то ленивой уверенностью.

Ксения замерла на пороге. Спина у него была широкая, обтянутая тёмно-синей рубашкой с коротким рукавом. Во-

лосы тёмные, коротко стриженные, на шее — маленькая родинка. Он был высоким, это она поняла по тому, как он сложился в кресле, подтянув ноги. Небрежная поза человека, который проводит в этом кресле больше времени, чем в собственной постели.

— Закрой дверь, — произнёс он, не поворачиваясь. Голос низкий, с хрипотцой, какой бывает у тех, кто много курит или много молчит. — И сядь. Тебе нужно пройти предполётную проверку.

Ксения закрыла дверь, отрезая звуки перрона. В кабине стало тихо, только гудела электроника да шумел кондиционер. Она сняла куртку, повесила её на крючок возле двери и прошла к левому креслу. Опустилась на знакомое, прохладное сиденье. Руки сами легли на штурвал, но тут же отпрянули, словно металл обжёг её.

Барков повернулся. Впервые она увидела его лицо. Оно было резким, с жёсткой линией челюсти, с глубокими складками у рта, с глазами, в которых одновременно было и презрение, и что-то ещё, чему Ксения не могла подобрать название. Взгляд у него был тяжёлый, оценивающий, как у хирурга перед сложной операцией. Он смотрел на неё так, будто видел насквозь — весь её страх, все её демоны, все её ночные кошмары.

— Значит, это ты, — произнёс он после паузы, которая показалась ей вечностью. — Та самая легенда. Выжившая.

Он не спрашивал. Он утверждал. И в его тоне не было ни

сочувствия, ни любопытства. Только констатация факта, от которой ей стало не по себе.

— Меня зовут Ксения, — ответила она, чувствуя, как немеет язык.

— Я знаю, как тебя зовут, — он откинулся в кресле и скрестил руки на груди. — Вопрос в другом. Знаешь ли ты, зачем ты здесь?

Ксения сглотнула. Вопрос был прямым, как удар. Она посмотрела на его руки — крепкие, с длинными пальцами, на которых не было ни одного кольца. На левом запястье — старые часы с потёртым ремешком. Он, казалось, был собран из противоречий: дорогая рубашка, простые часы, грубые слова, но при этом какая-то скрытая собранность в каждом движении.

— Чтобы летать, — ответила она. — Чтобы работать.

— Летать, — повторил он, и его губы тронула усмешка, больше похожая на оскал. — А по-моему, ты боишься. У тебя руки дрожат.

Она инстинктивно опустила взгляд на свои ладони, лежавшие на коленях. Они действительно дрожали. Мелко, почти незаметно, но он заметил. Проклятье.

— Это пройдёт, — сказала она тихо, но сама не поверила своим словам.

— Не пройдёт, — отрезал он, и его голос стал жёстче. — Страх не проходит. Он либо съедает тебя, либо ты учишься с ним жить. И судя по тому, что я вижу, он уже почти тебя

съел.

Ксения сжала зубы. Злость — вот что было нужно. Злость могла заглушить страх, хотя бы на время. Она подняла на него глаза и встретила его взгляд, не отводя.

— Вы не знаете меня. Не смейте делать выводы.

Барков хмыкнул. В этом звуке было что-то, от чего ей захотелось встать и уйти. Но она не могла. Мама ждала её. Мама с её бледным лицом на больничной подушке, с капельницей в вене, с врачами, которые разводят руками и говорят, что нужна операция, что нужны деньги, что времени мало. Эта картина стояла перед глазами ярче, чем все воспоминания о крушении.

— Выводы я делаю на основе того, что вижу, — сказал он спокойно, словно рассуждая о погоде. — А вижу я женщину, которая триста дней не садилась в кабину, которая боится прикоснуться к штурвалу и чьё сердцебиение я слышу даже через шум кондиционера. Ты слышишь? Оно колотится, как у кролика в силке.

Ксения замерла. Слышит? Да, наверное. В кабине было тихо, а её сердце стучало так, что, казалось, заглушало все остальные звуки. Ей стало стыдно и от этого стыда — ещё страшнее.

— Если вы такой специалист по страху, — процедила она, стараясь, чтобы голос не сорвался, — то должны знать, что лучший способ его преодолеть — это делать то, что нужно. Я здесь. Я прошла медкомиссию. Я прошла все проверки. Я

готова.

— Готова, — эхом повторил он. — Посмотрим.

Он выпрямился и протянул руку к панели, нажимая несколько кнопок. На экранах загорелись новые данные. Ксения автоматически проследила за его пальцами, отмечая, как уверенно они порхают по клавишам. Он знал эту машину наизусть.

— Начнём предполётную проверку, — сказал он уже деловым тоном, без тени насмешки. — Ты помнишь порядок?

— Да, — ответила она.

— Тогда начинай. Слева направо, сверху вниз.

Ксения перевела дыхание. Это была её территория. Знакомая последовательность действий, которая могла отвлечь её от страха, занять руки и мозг. Она потянулась к тумблерам и начала переключать их, сверяясь с контрольным списком, который лежал на коленях. Голос её звучал глухо, но уверенно.

— Стояночный тормоз включён, — произносила она, водя пальцем по панели. — Навигационные огни выключены. Топливные насосы — выключены. Аккумуляторы — включены.

Барков молчал, наблюдая за ней. Его взгляд был пристальным, но уже не таким враждебным. В нём появилась какая-то профессиональная цепкость, как у тренера, который следит за подопечной. Он иногда кивал, иногда хмурился, когда она задерживалась на чём-то дольше положенного.

— Аварийный радиомаяк выключен, — продолжала Ксения. — Давление в гидравлической системе — в норме. Закрылки — убраны.

Процесс поглощал её, как и раньше. Руки двигались сами, вспоминая каждую кнопку, каждый рычаг. Это было как танец, который не забываешь, даже если не танцевал много лет. Она чувствовала, как страх отступает куда-то на задний план, уступая место концентрации.

— Неплохо, — произнёс Барков, когда она закончила. — Мышцы помнят. Но это не значит, что ты готова.

Ксения вздохнула. Похвала из его уст звучала как оскорбление. Она откинулась в кресле и посмотрела в лобовое стекло. Дождь всё так же хлестал по аэродрому, размывая картинку. Видимость была скверная, но не критичная. Она знала, что через полчаса им взлетать.

— Почему вы так со мной? — спросила она, не поворачиваясь к нему. — Я ведь не сделала вам ничего плохого.

Он помолчал, и тишина в кабине стала почти осязаемой. Потом услышала, как он выдохнул, чуть слышно, как выдыхают перед тем, как сказать что-то, что не хотят говорить.

— Я не тактик, Ксения, — сказал он, и впервые в его голосе не было жёсткости. — Я не умею гладить по голове и говорить: «Всё будет хорошо». Не будет хорошо. Будут сложные рейсы, турбулентность, отказы, усталость. И если в самый ответственный момент ты запаникуешь, если твой страх возьмёт верх, ты убьёшь не только себя. Ты убьёшь всех, кто

сидит сзади. Поэтому я говорю с тобой так. Потому что лучше я сейчас сделаю тебе больно словами, чем потом ты сделаешь больно всем на борту.

Ксения почувствовала, как к глазам подступают слёзы. Нет, только не это. Она сжала челюсти, заставляя себя не раскисать. Его слова были жестоки, но справедливы. И это была худшая из возможных правд.

— Я не запаникую, — сказала она, и её голос прозвучал твёрдо, словно она сама поверила в это. — Я больше не имею права на панику.

— Вот как, — произнёс он задумчиво. — И почему же?

— Потому что у меня есть причина быть здесь. Причина важнее моего страха.

Барков посмотрел на неё долгим взглядом, и в его глазах что-то изменилось. Ушла насмешка, ушло презрение. Осталось только усталое понимание.

— У всех есть причины, — сказал он тихо. — Только они не всегда спасают.

Дверь в кабину приоткрылась, и вошла бортпроводница с подносом, на котором стояли два стаканчика с чаем. Она улыбнулась дежурной улыбкой, поставила поднос на откидной столик и удалилась, не сказав ни слова. Запах чая смешался с запахом пластика и керосина. Ксения взяла стаканчик, но пить не стала, просто грела о него озябшие пальцы.

Барков взял свой стаканчик, сделал глоток и поморщился.

— Остыл уже, — проворчал он. — Вечно у них всё осты-

вает.

Ксения не ответила. Она смотрела на экран, где высвечивался план полёта. Строки цифр, букв, стрелочки, обозначения маршрута. Всё это было знакомо, как азбука, которую она учила с детства. И от этого становилось легче.

— Вzlёт через двадцать минут, — сказал Барков, ставя стаканчик. — Проверь связь с диспетчером. И не забудь — я слежу за каждым твоим движением.

Он не сказал это грубо, скорее констатировал факт. Ксения кивнула, потянулась к радиостанции. Надела наушники, чувствуя, как мягкие амбушюры касаются ушей. В эфире зашуршало, потом раздался голос диспетчера — спокойный, безликий, как голос робота.

— Вышка, борт четыреста двенадцать на связи. Разрешите запуск двигателей, — произнесла она, и её голос не дрогнул.

— Борт четыреста двенадцать, вышка. Запуск разрешаю. Давление — семьсот пятьдесят один. Ветер у земли — двенадцать узлов, порывы до восемнадцати. Влажность — семьдесят процентов. Видимость — четыре километра.

— Принято, — ответила Ксения и повернула тумблер запуска.

Тихий гул перешёл в низкий, вибрирующий рокот. Турбины начали раскручиваться, и самолёт ожил. Задрожал всем своим огромным телом, как зверь, которого разбудили после долгой спячки. Ксения посмотрела на приборы, прове-

ря параметры. Всё в норме. Она почувствовала, как где-то в глубине живота зарождается предательский комок страха, но заставила себя дышать медленно, размеренно.

— Что чувствуешь? — спросил Барков. Он смотрел на неё из-под полуопущенных век, небрежно положив руку на центральный пульт.

— Страх, — честно ответила она. — Но я справлюсь.

— Это неплохо, — сказал он неожиданно. — Страх — это энергия. Если научиться направлять его в нужное русло, он станет твоим топливом. Ты же не боишься скорости, когда ведёшь машину?

— Нет.

— Почему?

— Потому что я контролирую машину.

— Вот и здесь то же самое. Ты контролируешь самолёт. Ты его часть. Доверься своим рукам, своей голове. А не своим чувствам.

Ксения посмотрела на него. В этот момент он не был похож на циничного грубияна. Скорее на инструктора, который действительно хочет, чтобы его ученица взлетела. И это было странно, непривычно.

Они выруливали на взлётную полосу. Дождь стучал по фюзеляжу, дворники лениво смахивали воду с лобового стекла, создавая монотонный ритм. Впереди была полоса, длинная, серая, уходящая в дождливую пелену. Красные огни её краёв мигали, как предупреждение.

— Борт четыреста двенадцать, взлёт разрешаю, — прозвучал голос диспетчера.

— Взлётный режим, — произнёс Барков. — Работаем.

Ксения положила ладони на ручку управления двигателями и плавно двинула их вперёд. Рёв турбин усилился, перешёл в оглушающий вой. Самолёт задрожал, рванулся вперёд, прижимая их к спинкам кресел. Ксения смотрела на полосу, на размытые огни, и чувствовала, как ускоряется всё вокруг. Сердце колотилось так, что, казалось, проломит рёбра. Руки на штурвале были ледяными, но хватка — твёрдой.

— Разбег, — услышала она свой голос, и он звучал отстранённо, как во сне. — Скорость пятьдесят. Сто.

Самолёт слегка подбросило на стыках плит. Ксения сжала зубы. Перед глазами на миг мелькнула другая картина: белая пелена, вой сирены, тряска, паника. Она зажмурилась, потом резко открыла глаза. Нет. Не сейчас. Не сегодня.

— Сто сорок. Подъём, — произнесла она и потянула штурвал на себя.

Нос самолёта плавно пошёл вверх. Земля оторвалась, ухнула вниз, провалилась в серую муть. Дождь перестал хлестать по стеклу, сменившись плотной облачностью. Секунды растянулись в вечность. Затем самолёт вырвался из облаков, и в кабину хлынул солнечный свет.

Ксения зажмурилась. Свет был ярким, почти непереносимым. А потом она увидела небо. Чистое, синее, бескрайнее. То самое небо, которое она так любила и которого так боя-

лась. Оно было таким же, как прежде. И это было прекрасно и мучительно одновременно.

— Мы взлетели, — прошептала она, не веря самой себе.

— Взлетели, — подтвердил Барков. — Теперь успокойся и веди самолёт. Турбулентности не избежать.

Она кивнула, сглатывая слёзы. Слёзы облегчения, смешанные со страхом. Она снова была в небе. Снова была пилотом. Но впервые за долгое время это не приносило ей радости. Только чувство, что она делает что-то, что должна делать. Ради мамы. Ради себя. Ради того, чтобы доказать всем, что она не сломалась.

Прошло полчаса. Полет проходил спокойно. Ксения ослабилась настолько, насколько это было возможно в её состоянии. Она следила за приборами, изредка переговаривалась с диспетчером. Барков в основном молчал, иногда внося пометки в планшет. В его молчании не было враждебности. Скорее, выжидание.

— Расскажи о том рейсе, — произнёс он внезапно, не отрываясь от планшета.

Ксения вздрогнула. Вопрос застал врасплох, как удар ниже пояса.

— Зачем? — спросила она сухо.

— Затем, что это не даёт тебе покоя. И будет давить, пока не выговоришься. Я не психолог, но я знаю таких, как ты. Ты должна проговорить это вслух. Хотя бы раз.

Она стиснула штурвал так, что побелели костяшки паль-

цев. Перед глазами снова вспыхнули обрывки воспоминаний: предупреждение о сдвиге ветра, резкий крен, крик Артёма: «Держи!», отчаянная борьба со штурвалом, а потом — удар. И тишина.

— Там был сдвиг ветра, — сказала она, и голос её звучал как чужой. — Внезапный, сильный. Нас бросило вниз. Артём пытался выровнять, но не успел. Мы зацепили лес. Я отключилась. Очнулась уже на земле.

— Ты считаешь себя виноватой? — спросил Барков. Его голос был ровным, без сочувствия, но и без осуждения.

— Я была командиром, — ответила она. — Значит, виновата.

— Глупости, — отрезал он. — В таких условиях виноват не пилот. Виновата система, которая не предупредила вас вовремя. Или техника. Или погода. Или сам Господь Бог. Но только не ты.

Ксения покачала головой. Он не понимал. Никто не понимал. Её вина была не в том, что она не справилась. А в том, что выжила. Что осталась жить, когда он — нет. Это была вина, которую не снять ни словами, ни временем.

— Ладно, — произнёс Барков после паузы. — Не хочешь — не говори. Но запомни: пока ты будешь таскать это в себе, страх будет сильнее тебя. Он питается твоим молчанием.

Он отвернулся к окну и стал смотреть на облака, проплывающие внизу, похожие на бескрайнее белое море. Ксения тоже посмотрела вниз. Облака казались мягкими, почти ося-

заемными. За ними скрывалась земля, полная людей, машин, суеты. А здесь, на высоте десяти тысяч метров, была только она, этот грубый человек в правом кресле и гул турбин.

Она почувствовала, как по телу разливается странная усталость. Не физическая, а душевная. Такая, какая бывает после долгого разговора с самим собой. Она откинулась в кресле и закрыла глаза на секунду.

— Не спи, — раздался голос Баркова. — Впереди зона турбулентности. Будет трясти.

— Я не сплю, — ответила она, не открывая глаз.

— Открой глаза, когда я с тобой разговариваю, — в его голосе снова появилась сталь. — И приготовься. Если начнётся болтанка, я возьму управление на себя. Посмотрю, как ты реагируешь.

Ксения открыла глаза и посмотрела на него. Он смотрел прямо перед собой, на приборы, и лицо его было сосредоточенным. Шрам на подбородке, которого она раньше не заметила, делал его ещё более жёстким.

— Я справлюсь, — сказала она.

— Не сомневаюсь, — ответил он, и ей показалось, что в его голосе промелькнула тень улыбки.

Самолёт слегка качнуло. Затем ещё раз. Лёгкая дрожь пробежала по фюзеляжу. Ксения машинально проверила ремни. Всё было затянуто. Она положила руки на штурвал и стала ждать.

Турбулентность накрыла их внезапно, как волна. Самолёт

резко трянуло, потом ещё раз, сильнее. Ксения почувствовала, как желудок подпрыгивает к горлу. Приборы заплясали, цифры на экранах задрожали. Ремень впился в плечи. Она стиснула штурвал, борясь с желанием зажмуриться.

— Держи ровно, — скомандовал Барков. — Не борись с болтанкой, амортизируй её.

Она слышала его сквозь гул и тряску. Голос был спокойным, как у врача, дающего указания медсестре. Ксения попыталась расслабить руки, но пальцы не слушались, вцепившись в штурвал мёртвой хваткой. Пот стекал по спине.

— Отпусти немного, — повторил он. — Ты не удержишь машину силой. Дай ей идти по волнам.

Она заставила себя ослабить хватку. Самолёт продолжало швырять, но теперь она не боролась, а поддавалась, как учили когда-то давно, в лётном училище. Страх никуда не делся, но превратился в острую, почти электрическую концентрацию. Каждая клеточка тела была напряжена до предела.

Болтанка продолжалась минут десять. Потом так же внезапно прекратилась. Самолёт снова плыл ровно, как лодка по спокойной глади озера. Ксения выдохнула. Лоб был мокрым от пота. Она поднесла руку, чтобы стереть капли, и заметила, что пальцы всё ещё дрожат.

— Нормально, — произнёс Барков. — Для первого раза после такого перерыва — вполне нормально. Но руки у тебя до сих пор трясутся.

— Спасибо за комплимент, — процедила она.

Он хмыкнул. Потом потянулся и вытащил из кармана рубашки какую-то таблетку. Протянул ей.

— Что это? — спросила она подозрительно.

— Успокоительное. Лёгкое. Не от него не будет сонливости. Просто снимет дрожь.

— Я не буду пить таблетки за штурвалом, — отрезала она.

— Правильно, — он убрал таблетку обратно. — Я проверял. Хорошо, что не берёшь всякую дрянь.

Ксения удивлённо посмотрела на него. Это была очередная проверка. Он проверял её на прочность, на профессионализм, на здравый смысл. И она, сама того не зная, прошла её.

— Вы всегда такой? — спросила она.

— Какой?

— Проверяете людей, тыкаете в их слабые места, смотрите на реакцию.

— Это моя работа, — ответил он. — Я инструктор. Лучше я узнаю твои слабости сейчас, на земле и в спокойном полёте, чем потом, в экстренной ситуации.

Ксения покачала головой. В его словах была логика, но от этого не становилось легче. Она чувствовала себя подопытным кроликом под микроскопом.

— И какие ещё проверки меня ждут? — спросила она с вызовом.

— Всё зависит от тебя, — ответил он, и в его глазах снова мелькнула та самая циничная искра. — Если будешь хоро-

шо себя вести, может, ограничимся только профессиональными.

Она не нашла, что ответить. Отвернувшись к боковому окну и стала смотреть на бескрайние облака, подсвеченные заходящим солнцем. Они были розоватыми и золотистыми, как гигантские куски сахарной ваты. Красиво. Почти до слёз.

До посадки оставалось около часа. Впереди был аэропорт назначения, суета, отель, чужая постель. И завтра новый рейс, и снова этот человек в правом кресле. И так день за днём, пока она не заработает достаточно денег на операцию.

Когда они начали снижение, Барков снова заговорил.

— Я видел твоё личное дело, — сказал он, глядя на приборы. — У тебя были отличные показатели. Ты была одной из лучших.

— Была, — согласилась она.

— Я не верю, что это прошло. Пилот с таким инстинктом, как у тебя, не теряет его из-за одной аварии.

Ксения горько усмехнулась.

— Одна авария, как вы говорите, стоила мне всего.

Он не ответил. Молчание снова повисло между ними, но в нём не было неловкости. Скорее, какая-то странная общность, как у двух людей, которые оба знают цену небу.

Посадка прошла мягко. Самолёт коснулся полосы почти бесшумно, покатился, замедляясь. Ксения вела его до самого терминала, чувствуя, как усталость наваливается свинцовой тяжестью. Когда они наконец остановились и выключи-

ли двигатели, тишина показалась оглушительной.

Она отстегнула ремень и сняла наушники. В ушах звенело.

— Неплохо для начала, — сказал Барков. Он встал со своего кресла, потянулся. — Увидимся завтра, напарница.

Он вышел из кабины первым, оставив её одну. Ксения сидела, глядя на опустевшее правое кресло, и чувствовала, как внутри неё борются два чувства: невыносимая усталость и тихая, робкая радость. Она сделала это. Она пережила первый рейс. Впервые за долгое время она не упала в обморок от страха, не сорвалась.

Собрав вещи, она вышла из самолёта. Перрон снова встретил её дождём, но теперь он казался не враждебным, а очищающим. Она подставила лицо прохладным каплям и на миг закрыла глаза.

Потом достала телефон и набрала номер больницы. Длинные гудки. Голос медсестры.

— Алло? Как она? — спросила Ксения, прижимая трубку к уху.

— Состояние стабильное, — ответили на том конце. — Врач сказал, что анализ пришёл. Показатели не улучшились, но и не ухудшились.

— Спасибо, — выдохнула она.

Она спрятала телефон и пошла к зданию аэропорта. Тело ныло от усталости, в голове шумело, но впервые за долгое время она чувствовала, что идёт в правильном направлении.

Потому что у неё не было другого выбора. Потому что сзади у неё — только обломки прошлого, а впереди — небо, которое она должна снова приручить.

А ещё впереди был он, этот грубый, циничный человек, который каким-то образом сумел за один полёт вывернуть её душу наизнанку и не оставил на ней камня на камне. И от этой мысли ей было почему-то не страшно. А очень тревожно. Потому что он был прав.

Страх не прошёл. Он просто спрятался. До поры до времени.

Но она научится. Должна. Ведь впереди у неё — вся жизнь, в которой каждая минута будет борьбой. И, возможно, этот человек — не проклятие, а тот самый второй пилот, который поможет ей удержать штурвал. Или, наоборот, тот, кто столкнёт её в последнюю бездну. Пока это было непонятно. Но одно она знала точно: назад дороги нет. Ни в небо, ни на землю. Только вперёд, сквозь облака, сквозь турбулентность, сквозь собственную боль.

Она шагнула в ярко освещённый зал прилёта и растворилась в толпе, чтобы завтра снова вернуться к самолёту. Потому что небо звало её. Потому что небо не прощает тех, кто сдаётся. А она сдаваться не собиралась.

Глава 2. Отель на краю ночи

Гостиница встретила её запахом хлорки, дешёвого кондиционера для белья и чьих-то вчерашних духов. Так пахнут все гостиницы, в которых селят лётные экипажи: стерильно, безлико, как в операционной, где душа должна остаться за порогом. Ксения толкнула дверь номера плечом, потому что руки были заняты — в одной сумка с формой, в другой пакет с водой и каким-то сомнительным сэндвичем из кругло-суточного магазина при аэропорту. Дверь поддалась с тихим скрипом, и её встретила темнота.

Она не стала включать верхний свет. Бросила сумку на пол у порога, скинула туфли, поставила пакет на узкую тумбу и прошла к окну. Шторы были задёрнуты неплотно, и сквозь щель пробивался желтоватый свет уличного фонаря. Ксения раздвинула их, посмотрела вниз. Ночной город жил своей жизнью: цепочки фар, неоновая вывеска какого-то кафе, мокрый асфальт, блестящий после дождя. Красиво, если не всматриваться. А если всмотреться — тоскливо, как всё, что происходит без участия человека.

Она опустила на край кровати, не раздеваясь. Тело ломило от усталости, ноги гудели, в висках всё ещё отдавался ровный гул турбин. Ей казалось, что она до сих пор в кабине: стоит закрыть глаза — и перед внутренним взором вспыхивает россыпь приборных огней, серое небо, чёрная поло-

са взлётно-посадочной полосы, уходящая под крыло. И его профиль. Жёсткий, с упрямой линией подбородка, с тёмными глазами, которые смотрели так, будто видели её насквозь.

Она тряхнула головой, отгоняя наваждение. Не хватало ещё думать о нём. О человеке, который за один полёт успел унижить её, проверить на прочность и при этом — странное дело — заставить почувствовать, что она может летать. Не просто может, а что у неё есть на это право. Это чувство было непривычным и оттого пугающим.

Ксения поднялась, включила чайник, стоявший на подносе рядом с двумя пакетиками дешёвого чая. Вода закипела с глухим бульканьем. Она налила кипяток в чашку, бросила пакетик, посмотрела, как вода темнеет, вбирая в себя горечь. Горячий пар обжёг лицо. Она прикрыла глаза, сделала первый глоток. Чай был отвратительный, но согревал.

Телефон завибрировал на тумбе, разрывая тишину. Ксения вздрогнула, поставила чашку, взяла трубку. На экране высветился незнакомый номер. Она нахмурилась. Никто не должен был звонить ей в это время. Только мама, но у мамы был свой номер, сохранённый в списке контактов.

— Алло, — произнесла она осторожно.

В трубке молчали. Только лёгкое потрескивание, как будто кто-то дышал в нескольких сантиметрах от микрофона, но не решался заговорить.

— Алло, — повторила Ксения, и в голосе её появилась сталь. — Кто это?

Тишина. Затем короткий гудок. Сбросили.

Она опустила телефон, чувствуя, как внутри поднимается холодная волна тревоги. Нет, это просто случайный номер. Ошиблись. Бывает. Мало ли кто набирает чужие цифры в полночь. Но сердце уже сбилось с ритма, а перед глазами встала другая картина: белый конверт, подсунутый под дверь её съёмной квартиры неделю назад. Внутри — фотография. Разбитый фюзеляж, вырванное кресло, чья-то рука, безжизненно свесившаяся в проходе. И короткая записка: «Молчи. Или будет хуже».

Она тогда сожгла и фотографию, и записку в раковине, наблюдая, как пламя лижет глянцевую бумагу, превращая лица и детали в чёрные хлопья. Но запах горелого остался с ней надолго. Как и вопрос, который она старалась не задавать: почему эти люди решили, что она собирается говорить? Она не собиралась. Она вообще ничего не собиралась, кроме как заработать денег на лечение мамы и забыть всё, как страшный сон.

Но они не знали. Или знали что-то, чего не знала она.

Ксения прошла в ванную, умылась ледяной водой. Посмотрела на себя в зеркало. Бледное лицо, тёмные круги под глазами, губы, потрескавшиеся от сухого воздуха кабины. Волосы, стянутые в тугий хвост, уже растрепались, выбились у висков. Она выглядела на десять лет старше. Чужой, уставшей женщиной, а не той, какой была год назад. Тогда она смеялась, строила планы, примеряла подвенечное пла-

ть. Тогда у неё был Артём.

Артём. Имя отозвалось в груди тупой, но уже привычной болью. Не острой, как в первые месяцы, а глухой, как эхо далёкого грома. Она закрыла глаза и попыталась вспомнить его лицо. Черты расплывались, ускользали, как отражение в мутной воде. Это было самое страшное — то, что она начала его забывать. Не на уровне фактов — она помнила всё: его голос, смех, родинку на шее, как он морщился, когда пил слишком горячий кофе. Но цельный образ рассыпался, и она не могла собрать его воедино.

— Прости меня, — прошептала она тихо, обращаясь не то к нему, не то к себе.

Ответа не было. Только вода капала из крана, монотонно, как метроном.

Утро наступило внезапно, с резким звонком будильника, который она не помнила, как заводила. Ксения открыла глаза, уставилась в потолок. Сон был рваным, полным смутных, тревожных образов: она бежала по бесконечному аэропорту, а за ней гнался кто-то в чёрном, и все выходы были заколочены. Проснувшись она в холодном поту, с тяжёлой головой и единственным желанием — снова провалиться в забытьё. Но дисциплина взяла своё. Через двадцать минут она уже стояла под душем, подставляя спину тугим струям горячей воды, смывая с себя остатки кошмара.

Завтрак в отеле был таким же безликим, как и всё здесь. Овсянка, синтетический йогурт, водянистый кофе. Ксения

села за угловой столик, спиной к стене, чтобы видеть весь зал. Привычка, выработанная за последний год: не поворачиваться к двери спиной, не сидеть на открытом месте, не оставлять еду без присмотра. Паранойя? Возможно. Но именно она, возможно, уже спасла ей жизнь.

Она поднесла чашку ко рту, и в этот момент её взгляд наткнулся на знакомую фигуру. Барков. Он вошёл в столовую, огляделся с ленивой хозяйственностью человека, который везде чувствует себя как дома, и направился к стойке с едой. На нём были тёмные джинсы, простая серая футболка, обтягивающая плечи, и кеды. Без формы, без погон, без той жёсткой брони, которая делала его похожим на хищника в клетке. Он выглядел... обычным. И от этого ещё более опасным.

Ксения опустила глаза, надеясь, что он её не заметит. Напрасно. Через минуту он уже стоял у её столика с подносом, на котором дымился кофе и лежал тост с джемом.

— Доброе утро, напарница, — произнёс он, и в его голосе прозвучала насмешка, как будто он знал, что она надеялась избежать этой встречи.

— Доброе, — ответила она сухо, не поднимая глаз.

— Можно присесть? Или у тебя тут тайное общество?

Ксения кивнула на свободный стул. Он сел напротив, поставил поднос, откинулся на спинку. Его присутствие сразу изменило атмосферу: воздух стал плотнее, тишина — громче. Она чувствовала, как он смотрит на неё, и от этого заты-

лок начинал гореть.

— Как спалось? — спросил он, отпивая кофе.

— Нормально.

— Врёшь. У тебя синяки под глазами. Кошмары?

Она наконец подняла на него взгляд. В свете утреннего солнца его глаза были не такими тёмными, как вчера. Скорее, цвета крепкого чая, с янтарными искорками. Но взгляд оставался тем же: цепкий, изучающий.

— Вы всегда такой наблюдательный? — спросила она с вызовом.

— Работа такая, — он пожал плечами. — Замечать то, что другие хотят скрыть. Так что? Кошмары?

— Да, — призналась она нехотя. — Мне снилось... всякое.

— Это нормально, — произнёс он без тени сочувствия. — После того, что ты пережила, было бы странно, если бы тебе снились радужные пони. Но важно не то, что снится. Важно, что ты делаешь после пробуждения.

— А что я должна делать?

— Жить дальше, — ответил он просто. — Вставать, умываться, идти на рейс. Не позволять кошмарам загонять тебя обратно в кровать.

Она горько усмехнулась.

— Легко сказать.

— А никто и не говорил, что будет легко. Но ты уже здесь, — он обвёл рукой столовую. — Значит, ты на полпути.

Ксения промолчала. В его словах не было ни тепла, ни

поддержки, но почему-то от них становилось спокойнее. Как будто кто-то наконец сказал правду, без прикрас. Она устала от жалостливых взглядов, от осторожных вопросов «как ты?», от людей, которые боялись произнести слово «катастрофа» в её присутствии. А этот человек не боялся ничего. И это было... освобождающе.

— Сегодня рейс в другой город, — сообщил он, жуя тост. — Три часа в воздухе. Потом пересадка, короткий перелёт и ночёвка в Новосибирске. Ты готова?

— Готова, — ответила она.

— Вот и хорошо. Потому что сегодня будет кое-что новенькое.

Она вопросительно посмотрела на него.

— Отработка действий при отказе двигателя на взлёте, — пояснил он. — Я буду имитировать аварийную ситуацию. Посмотрю, как ты действуешь под давлением.

Ксения почувствовала, как кровь отливает от лица. Это было серьёзное испытание. Отказ двигателя на взлёте — одна из самых критических ситуаций, когда счёт идёт на секунды. И если не сработает чётко, последствия могут быть фатальными. Даже на тренажёре.

— Но это же... — начала она.

— То, что спасёт тебе жизнь, если когда-нибудь случится по-настоящему, — перебил он. — Или ты думала, что весь месяц мы будем кататься по спокойным маршрутам и пить чай в кабине?

Она сглотнула. Он был прав, конечно. Но мысль о том, что уже сегодня ей придётся столкнуться с аварийной ситуацией, даже искусственной, вызывала тошноту.

— Я справлюсь, — произнесла она, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

— Не сомневаюсь, — он допил кофе и поднялся. — Сбор в вестибюле через сорок минут. Не опаздывай.

Он ушёл, оставив после себя запах кофе и чего-то едва уловимого — не то геля для душа, не то парфюма. Ксения посмотрела ему вслед. Он двигался легко, небрежно, как человек, который полностью контролирует своё тело. И эта лёгкость раздражала её больше всего.

Оставшиеся сорок минут она провела в номере, перебирая документы, проверяя форму, пытаясь унять дрожь в пальцах. В зеркале на неё смотрела женщина, которая ещё не до конца верила, что снова может надеть погоны. Но форма была чистая, отглаженная, и это придавало сил. Она застегнула рубашку на все пуговицы, поправила галстук, пригладила волосы. В кармане куртки лежал маленький серебряный кулон — подарок мамы на окончание лётного училища. Она сжала его в ладони, закрыла глаза и прошептала одними губами: «Пожалуйста, помоги мне».

В вестибюле былолюдно. Экипаж собирался у стойки регистрации: две бортпроводницы, бортпроводник, второй пилот — незнакомая женщина лет тридцати пяти, и командир — Барков. Он стоял чуть в стороне, глядя на табло вылета, и

что-то быстро набирал в телефоне. Завидев Ксению, он су-нул телефон в карман и махнул рукой.

— Не опоздала, — отметил он. — Уже прогресс.

Ксения проигнорировала шпильку и поздоровалась с остальными. Бортпроводницы заулыбались — вежливо, но с той долей настороженности, с какой обычно смотрят на человека, о котором ходят легенды. Одна из них, высокая брюнетка с идеальным маникюром, подошла ближе.

— Вы Ксения? — спросила она тихо. — Я Ольга, старший бортпроводник. Если что-то понадобится — обращайтесь.

— Спасибо, — ответила Ксения, чувствуя лёгкое тепло от этого простого предложения.

Автобус до самолёта был набит битком. Ксения стояла у окна, глядя, как мимо проплывают хвосты лайнеров, заправщики, машины техобслуживания. День выдался пасмурный, но без дождя. Низкие облака висели над аэропортом, обещая скучный серый полёт. Или, наоборот, сложный, в зависимости от того, что скрывалось за этой пеленой.

В кабине было прохладно. Ксения заняла левое кресло и начала предполётную проверку. Пальцы уже не дрожали так, как вчера, но всё равно нет-нет да и сбивались с ритма. Барков сидел в правом кресле, заполнял какую-то документацию и, казалось, не обращал на неё внимания. Но она чувствовала его боковым зрением — его позу, его дыхание, его тихие, едва слышные комментарии.

— Проверь давление в кабине, — сказал он, не отрываясь

от планшета.

— Уже проверила.

— Перепроверь.

Ксения стиснула зубы, но выполнила. Всё было в норме.

— Теперь посмотри на прогноз погоды по маршруту. Есть зоны гроз.

Она вывела на экран метеосводку. Действительно, по маршруту были обширные грозовые очаги, смещавшиеся к северу. Придётся обходить.

— Вижу, — сказала она.

— Что будешь делать?

— Обойдём с юга, попросим у диспетчера коридор.

— Хорошо. Запроси.

Она вышла на связь, запросила новый эшелон. Диспетчер разрешил, но с задержкой: впереди был плотный трафик. Ксения ждала, чувствуя, как растёт напряжение. Каждая минута на земле — это минута, украденная у полёта. Ей хотелось поскорее взлететь, чтобы снова доказать себе, что она может.

Взлёт прошёл штатно. Самолёт оторвался от полосы плавно, как огромная серебристая птица, и ушёл в серую муть облаков. В кабине потемнело, потом снова вспыхнул свет, когда они пробили облачный слой. Внизу расстилалось белое море, сверху — синева. Ксения перевела дыхание. Первый барьер взят.

— Не расслабляйся, — раздался голос Баркова. — Впере-

ди зона гроз. И, как ты помнишь, у нас сегодня особая программа.

Она кивнула, не оборачиваясь. Сердце снова застучало быстрее. Она знала, что за этим последует. Он выключит один из двигателей, и самолёт начнёт вести себя так, будто ранен. Ей придётся за считанные секунды принять правильные решения, иначе...

— Начнём с простого, — произнёс он. — Представь, что у нас отказ гидравлики.

Ксения сглотнула. Это была не самая страшная ситуация, но достаточно серьёзная, чтобы потребовать полной концентрации. Она положила руки на штурвал.

— Готова?

— Готова.

Он потянулся к пульту и щёлкнул несколькими тумблерами. На приборной панели загорелись красные огни, запищал зуммер. Самолёт слегка качнуло.

— Отказ гидравлики, — произнесла она вслух, следуя контрольному списку. — Проверяю резервную систему.

Руки двигались автоматически, нажимая нужные кнопки, переключая рычаги. Она слышала свой голос, спокойный и чёткий, как будто он принадлежал не ей, а какой-то другой, уверенной в себе женщине. Зуммер умолк. Красные огни погасли.

— Неплохо, — оценил Барков. — Теперь отказ двигателя на взлёте.

Ксения замерла. Это было то, чего она боялась больше всего. Потому что именно отказ двигателя на взлёте стал причиной её собственной катастрофы. Хотя официально это не было подтверждено, она знала: Артём кричал о потере тяги. Но в отчёте этого не было. Слова «сдвиг ветра» — вот что написали эксперты. А она помнила, как левый двигатель содрогнулся и затих. И как самолёт начал заваливаться влево.

— Ксения, — голос Баркова ворвался в её сознание. — Ты слышишь меня?

— Да, — выдохнула она.

— Отказ двигателя на взлёте. Действуй.

Он выключил тумблер. Самолёт резко дёрнулся, и Ксения почувствовала, как ручка штурвала стала тяжелее, как будто машина сопротивлялась ей. Перед глазами вспыхнула та самая картина: кабина, залитая красным светом аварийной сигнализации, вой сирены, крик. Она вцепилась в штурвал, не в силах пошевелиться.

— Действуй, Ксения! — рявкнул Барков. — У тебя десять секунд! Что ты будешь делать?

Его голос пробился сквозь пелену паники, как удар хлыста. Ксения мотнула головой, заставляя себя вернуться в реальность. Это не та катастрофа. Это тренировка. Она в кабине, на высоте, всё под контролем.

— Выравниваю самолёт, — произнесла она хрипло. — Убираю шасси. Запрашиваю аварийную посадку.

— Куда?

— На ближайший аэродром.

— Какой?

Она бросила взгляд на навигационный дисплей. Ближайший аэродром был в ста пятидесяти километрах. Она назвала его.

— Хорошо. Что с двигателем?

— Флюгирую винт, запускаю противопожарную систему.

— Отлично. У тебя получилось.

Ксения выдохнула. Пот заливал глаза, сердце колотилось где-то в горле. Она с трудом разжала пальцы, которые, кажется, оставили вмятины на штурвале. Перед глазами всё плыло.

— Ты зависла на пять секунд, — произнёс Барков уже спокойнее. — В реальной ситуации этого хватило бы, чтобы потерять высоту и упасть.

Она молчала, не зная, что ответить.

— Но ты справилась, — добавил он. — Значит, не всё потеряно.

Ксения посмотрела на него. Он смотрел на неё уже не с насмешкой, а с каким-то странным выражением, которое она не могла расшифровать. Как будто он был доволен. И это было неожиданно.

— Спасибо, — тихо произнесла она.

— За что?

— За то, что вернули меня.

Он не ответил. Отвернулся к окну и стал смотреть на об-

лака. А Ксения сидела и впервые за долгое время чувствовала нечто, похожее на облегчение. Как будто часть того груза, что она таскала в себе, стала чуть легче. Совсем чуть-чуть, но этого было достаточно, чтобы не захлебнуться.

Остаток полёта прошёл спокойно. Они обошли грозы, сделали короткую посадку в промежуточном аэропорту, затем перелетели в Новосибирск. К вечеру Ксения была вымотана до предела, но это была другая усталость — не та, что давит на плечи и заставляет ненавидеть мир, а та, что приносит с собой чувство выполненного долга.

Отель в Новосибирске оказался чуть лучше прежнего: в номере был мягкий ковёр, а из окна открывался вид на реку, тёмную и блестящую в лучах заходящего солнца. Ксения скинула туфли, прошла босиком по ковру, наслаждаясь тактильным удовольствием. Потом разобрала сумку, повесила форму на плечики, поставила телефон заряжаться. В номере было тихо и пусто. Слишком тихо.

Она подошла к мини-бару, достала бутылку воды, сделала несколько глотков. Горло саднило от сухого воздуха. В голове всё ещё звучали фразы Баркова: «Ты зависла... Но ты справилась». Он был прав в обоих случаях. Она действительно зависла, испугалась, но сумела выйти из ступора. И это было маленькой победой, которую она ни с кем не собиралась делить.

Звонок телефона разорвал тишину. Ксения вздрогнула, обернулась. На экране снова незнакомый номер. Тот же са-

мый, что и ночью. Или нет? Она не успела запомнить. Сердце снова забилося тревожно.

Она взяла трубку, поднесла к уху.

— Слушаю.

В трубке молчание. Потом мужской голос, изменённый, как будто говоривший через вокодер:

— Не вздумай говорить с комиссией. И держись подальше от Баркова.

Ксения похолодела. Рука с телефоном задрожала.

— Кто это? — спросила она, но голос сорвался.

— Просто помни: за тобой следят.

Гудки. Короткие, злые.

Она стояла посреди номера, прижимая телефон к уху, и чувствовала, как в груди разливается ледяной страх. За ней следят. Они знают о Баркове. Они знают о комиссии. Они знают всё. Но откуда? И кто эти «они»?

Ксения бросила телефон на кровать, обхватила себя руками. Показалось, что в номере стало холоднее. Или это страх выстудил воздух? Она подошла к окну, отдернула штору. Внизу, на парковке, стоял тёмный автомобиль с выключенными фарами. Ей показалось, что за рулём кто-то сидит. Или это просто игра воображения?

Она задёрнула штору, отошла от окна. Дыхание участилось. Нет, нельзя поддаваться панике. Но как не поддаваться, когда за тобой следят? Когда тебе звонят по ночам и угрожают? Когда всё, что ты делаешь, кажется, известно кому-то

невидимому?

Ксения взяла телефон и набрала номер Баркова. Пальцы дрожали, попадая по кнопкам. После третьего гудка он ответил.

— Что случилось? — его голос был резким, без тени сонливости, как будто он не спал.

— Мне звонят, — произнесла она, стараясь говорить ровно. — Какие-то люди. Угрожают.

В трубке повисла пауза.

— Что говорят? — спросил он наконец.

— Чтобы я молчала. Чтобы держалась подальше от вас. Что за мной следят.

Ещё одна пауза. Ксения слышала его дыхание — спокойное, размеренное. Как будто ничего страшного не произошло. Но она знала: он просто не показывает эмоций.

— Ты в номере? — спросил он.

— Да.

— Запри дверь. Никому не открывай. Я сейчас приду.

— Но...

— Делай, что говорю, — отрезал он и сбросил вызов.

Ксения застыла с телефоном в руке. Он собирался прийти. Сейчас. Ночью. В её номер. Это было нарушением всех возможных правил, всех субординаций, всех границ. Но страх был сильнее приличий. Она подошла к двери, заперла её на замок и на цепочку, потом села на край кровати и стала ждать.

Минуты тянулись бесконечно. Она прислушивалась к каждому шороху в коридоре, к каждому шагу за дверью. Сердце колотилось, ладони потели. Телефон снова зазвонил, и она чуть не подскочила. Но это был Барков.

— Я у двери. Открывай.

Она подошла, посмотрела в глазок. Он стоял в коридоре, всё в той же серой футболке и джинсах. Взгляд его был напряжённым. Она сняла цепочку, повернула ключ, открыла дверь.

Он вошёл, быстро оглядел номер, прошёл к окну, проверил шторы. Потом повернулся к ней.

— Рассказывай всё. Подробно.

Ксения опустилась в кресло, обхватив колени руками. Голос её звучал тихо, но она старалась не сорваться на дрожь.

— Это началось не сегодня. Примерно неделю назад мне подсунули конверт с фотографиями... с места крушения. И записку: «Молчи». А теперь эти звонки. Они знают, что я снова летаю. Знают о вас.

Барков слушал, не перебивая. Его лицо было непроницаемым, только желваки играли на скулах.

— Ты знаешь, кто это может быть? — спросил он, когда она закончила.

— Нет. Я вообще не понимаю, о чём я должна молчать. Ведь официальное расследование всё выяснило. Или...

Она замолчала, глядя на него. В голове вдруг вспыхнула мысль, которую она гнала от себя все эти месяцы.

— Или не всё, — закончил он за неё.

Ксения медленно кивнула.

— Я всегда чувствовала, что в отчёте что-то не так. Слишком гладко, слишком быстро всё списали на погоду. А теперь эти люди...

— Они боятся, что ты заговоришь, — произнёс Барков.
— Значит, тебе есть что сказать.

— Но я не знаю, что именно! — воскликнула она, и голос её сорвался на крик. — Я не помню всего! У меня провалы в памяти! Я помню только обрывки!

Он подошёл ближе, сел на корточки перед ней, взял её за руки. Его ладони были тёплыми и сухими, а её — ледяными и влажными от пота.

— Успокойся, — произнёс он тихо, но твёрдо. — Мы разберёмся. Но для начала ты должна пообещать мне одну вещь.

— Какую?

— Что ты не будешь ничего предпринимать в одиночку. Если тебе звонят — говоришь мне. Если тебя преследуют — говоришь мне. Если кто-то подходит с вопросами — говоришь мне. Поняла?

Она смотрела в его глаза, тёмные, серьёзные, без тени насмешки. И впервые за всё время их знакомства видела в них не цинизм, а заботу. Настоящую, глубокую, ту, которую он так умело прятал за грубостью.

— Почему вы мне помогаете? — спросила она.

Он помолчал, не отпуская её рук.

— Потому что это моя работа, — ответил он наконец. — И потому что я не люблю, когда на людей давят.

Ксения сглотнула. Этот ответ не был полным, но она решила, что на сегодня достаточно. Она слишком устала, чтобы копать глубже.

— Спасибо, — прошептала она.

Он отпустил её руки и поднялся.

— Ложись спать. Завтра тяжёлый день. И помни: дверь запирай, никому не открывай. Я буду рядом.

Он вышел, тихо прикрыв за собой дверь. Ксения осталась одна в полумраке номера, но одиночество уже не казалось таким давящим. Потому что где-то рядом, за стеной, в соседнем номере или в холле, был человек, который обещал быть рядом. И это, как ни странно, помогало. Помогало больше, чем все успокоительные таблетки и разговоры с психологом.

Она легла в постель, не раздеваясь, натянула одеяло до подбородка. Тело ныло от усталости, но сон не шёл. В голове крутились обрывки звонка, его изменённый голос, слова: «Держись подальше от Баркова». Почему именно от него? Что за связь? Неужели всё это как-то связано с его семьёй?

Она не знала о Баркове почти ничего. Только то, что он отличный пилот, циничный инструктор и человек с непростым характером. Фамилия, имя — остальное покрыто туманом. Но если за ней следят и предупреждают именно о нём, значит, он каким-то образом связан со всей этой историей.

Или его просто используют, чтобы запугать её?

Вопросы множились, как трещины на стекле. Ксения закрыла глаза и заставила себя дышать медленно. В конце концов, она пилот. Она умеет сохранять спокойствие в кризисных ситуациях. Нужно просто применить эти навыки к собственной жизни.

Но где-то в глубине души она понимала: этот полёт только начинается. И самый опасный участок — впереди.

Глава 3. Грань

Утро ворвалось в номер безжалостным звонком будильника. Ксения открыла глаза и несколько секунд смотрела в потолок, не понимая, где находится. Потом накатило всё разом: вчерашний звонок с угрозами, ночной приход Баркова, его руки, сжимавшие её ледяные пальцы, и это странное чувство, что теперь она не одна. Она повернулась на бок, подтянула колени к груди. Тело было ватным, голова тяжёлой, как после долгой болезни. Сон, если он и был, не принёс отдыха, а лишь вымотал ещё сильнее.

Она заставила себя подняться. Шторы были задёрнуты, но сквозь щель пробивался серый утренний свет. На тумбе лежал телефон. Экран был пуст — ни пропущенных звонков, ни сообщений. И от этого было тревожно. Тишина после вчерашнего штурма казалась зловещей, как затишье перед ударом.

Ксения прошлёпала босиком в ванную, умылась холодной водой. В зеркале на неё смотрела бледная женщина с красными прожилками в глазах и залёгшей между бровями складкой, которая за последний год стала её постоянной спутницей. Она приложила к щекам мокрые ладони, пытаясь вернуть лицу хоть какой-то живой цвет. Бесполезно. Только косметика могла скрыть то, что творилось у неё внутри.

Она оделась быстро, машинально: форма, галстук, волосы

в тугой хвост. Кулон мамы — на груди, под рубашкой, поближе к сердцу. Проверила сумку, документы, паспорт. Всё на месте. Замок на двери всё ещё был заперт, цепочка накинута. Значит, ночью никто не пытался войти. Или пытался, но не смог. От этой мысли стало одновременно и легче, и страшнее.

В столовой было малоллюдно. Только пара командировочных в деловых костюмах и молодая женщина с ребёнком. Ксения взяла поднос, положила на него тарелку с кашей, стакан апельсинового сока и чашку кофе. Села за тот же угловой столик, спиной к стене. Привычка, ставшая инстинктом.

Есть не хотелось, но она заставляла себя подносить ложку ко рту. Организму нужны силы. Впереди был трудный день, и неизвестно, чем он закончится. Каша была пресной, сок — тёплым, кофе — горьким. Но она ела, не замечая вкуса.

Барков появился через десять минут. Вошёл в столовую всё с той же ленивой уверенностью, огляделся, заметил её и направился к столику. На нём была лётная форма, и в ней он выглядел иначе: собраннее, жёстче, как будто погоны добавляли ему не просто статуса, а какой-то внутренней брони.

— Доброе утро, — произнёс он, ставя на стол поднос с яичницей и стаканом чёрного чая. — Как спала?

— Плохо, — честно ответила она. — А вы?

— Как убитый, — он усмехнулся краешком рта. — Меня такими звонками не проймёшь.

Ксения подняла на него глаза. В его лице не было ни те-

ни усталости, ни следов бессонной ночи. Только всё та же непроницаемая маска, за которой угадывалась напряжённая работа мысли.

— Вы считаете, это был просто звонок? — спросила она тихо.

— Не знаю, — ответил он, принимаясь за еду. — Но у страха глаза велики. Если позволишь себя запугать — они победят. Поэтому — ешь, пей и думай только о полёте. Остальное оставь мне.

— Как я могу оставить, если угрожают мне?

Он прожевал кусок яичницы, прежде чем ответить.

— Потому что если ты будешь трястись от каждого шороха, ты не сможешь работать. А если ты не сможешь работать, тебя отстранят. И тогда у тебя не будет ни денег, ни цели, ни смысла. Ты этого хочешь?

Она опустила взгляд. Нет, этого она не хотела. Мама ждала её. Больничная койка, капельницы, счета за лечение — всё это было реальнее любых угроз. И бросить всё из-за чьих-то звонков означало бы сдаться. А она не имела права сдаваться.

— Нет, — произнесла она твёрдо.

— Вот и умница, — Барков отхлебнул чай. — Сегодня у нас тренажёр. После обеда. А утром — предполётная подготовка, изучение маршрута, документы. Иди за мной.

Она поднялась, оставив недоеденный завтрак. Чувство было такое, будто она снова на экзамене, и от каждого её

шага зависит оценка. Но это было даже хорошо: страх перед полётом отступал перед страхом оплошать перед этим человеком.

Они прошли в конференц-зал на втором этаже отеля, где уже были разложены карты, планшеты, метеосводки. Барков включил проектор, и на экране появилась карта предстоящего маршрута. Красная линия тянулась через полконтинента, пересекая горные хребты, реки, бескрайние леса.

— Маршрут до Хабаровска, — начал он деловым тоном. — Протяжённость — почти семь часов. По пути — три зоны возможной турбулентности, два аэродрома запасной посадки, один сложный участок над горами. Твоя задача — изучить всё до последней запятой. Вопросы?

— Какая загрузка? — спросила Ксения, включаясь в работу.

— Почти полная. Сто шестьдесят пассажиров. Плюс груз.

— Топливо?

— С запасом на час полёта сверх маршрута.

Она кивнула, делая пометки в блокноте. Профессиональные вопросы отвлекали, возвращали в привычное русло. Она чувствовала, как мозг переключается, как уходит на второй план страхи и тревоги, уступая место концентрации.

Они работали два часа. Барков гонял её по всем разделам: аэродинамика, навигация, действия в особых случаях, связь, метео. Иногда задавал вопросы с подвохом, проверяя не только знания, но и реакцию. Ксения отвечала чётко, ста-

раясь не давать слабину. И с каждым правильным ответом в ней крепла уверенность: она ещё способна на многое.

— Неплохо, — подытожил он, выключая проектор. — Вижу, голова у тебя варит. Это радует.

— Спасибо, — сказала она, собирая бумаги.

— Но есть одно «но», — добавил он, и его тон стал серьёзнее. — Твоя психологическая устойчивость всё ещё под вопросом. Сегодня на тренажёре мы проверим, как ты действуешь в экстренной ситуации. Если опять зависнешь — буду рекомендовать отстранение.

Ксения замерла. Слова прозвучали как приговор. Она подняла на него глаза, стараясь не показать страха.

— Я не зависну.

— Посмотрим, — он поднялся. — Тренажёр в четырнадцать ноль-ноль. Не опаздывай.

Он вышел, оставив её одну в пустом зале. Ксения опустилась на стул, чувствуя, как дрожат колени. Отстранение. Это слово било наотмашь. Оно означало бы конец всему: работе, деньгам, надежде. Она не могла этого допустить.

До начала тренировки оставалось несколько часов. Ксения вернулась в номер, перекусила яблоком, выпила воды. Потом легла на кровать, закрыла глаза и стала мысленно прокручивать все возможные сценарии, которые могут быть на тренажёре. Отказ двигателя, пожар, разгерметизация, отказ гидравлики, сдвиг ветра. Она повторяла контрольные списки, последовательности действий, фразы для связи с диспет-

чером. Это было как заклинание, как мантра, способная отогнать панику.

Но в глубине души она знала: паника не исчезает от повторения правил. Она прячется, ждёт момента, когда слабость возьмёт верх. И этот момент наступит. Вопрос лишь в том, сможет ли она устоять.

Ровно в четырнадцать ноль-ноль она стояла у дверей тренажёрного центра. Это было отдельное здание на территории учебного комплекса, похожее на гигантский ангар без окон. Внутри пахло пластиком, машинным маслом и озоном. На стенах висели схемы самолётов, инструкции, таблицы. Ксения огляделась, чувствуя, как внутри нарастает знакомое напряжение.

Барков ждал её у кабины тренажёра — точной копии пилотской кабины, установленной на гидравлических платформах. Он был уже в наушниках, с планшетом в руке.

— Готова? — спросил он без предисловий.

— Да, — ответила она.

— Тогда садись. Начнём с простого.

Она заняла левое кресло, надела наушники, пристегнулась. Всё было как в настоящем самолёте: те же приборы, те же тумблеры, те же запахи. Только за окном не небо, а тёмный экран, на который проецировалась виртуальная реальность.

— Взлёт, набор высоты, затем отказ левого двигателя, — произнёс Барков. — Твоя задача — действовать по протоко-

лу.

Ксения положила руки на штурвал. Сердце уже колотилось быстрее обычного.

— Поняла.

Тренажёр ожил. Гул турбин заполнил кабину, платформа слегка завибрировала. Перед глазами развернулась картинка взлётной полосы. Ксения двинула рычаги, самолёт начал разбег. Скорость росла, полоса уходила под крыло. Отрыв. Набор высоты. Всё как вчера, как сотни раз до этого.

И вдруг — резкий хлопок, кабина содрогнулась, на приборной панели загорелись красные огни. Левый двигатель отказал.

— Действуй! — раздался голос Баркова.

Ксения сжала штурвал. Паника накатила волной, застилая глаза пеленой. Перед ней снова вспыхнула та ночь: дождь, лес, крик. Она вцепилась в штурвал, не в силах пошевелиться.

— Время! — рявкнул Барков. — Чего ждёшь?!

Его голос пробился сквозь пелену, как луч фонаря в тумане. Ксения мотнула головой, заставила себя дышать. Нет, это не та ночь. Это тренажёр. Всё под контролем. Она должна действовать.

— Выравниваю! — произнесла она хрипло. — Убираю шасси! Запрашиваю аварийную посадку!

Руки двигались механически, нажимая нужные кнопки. Самолёт начал выравниваться. Ксения слышала свой голос,

докладывающий диспетчеру об аварии, но не узнавала его — он был чужой, далёкий.

— Хорошо, — произнёс Барков. — Теперь отказ второго двигателя.

— Что?! — она на мгновение потеряла концентрацию.

— Отказ второго двигателя! — повторил он. — Действуй!

Ксения почувствовала, как внутри всё обрывается. Оба двигателя отказали. Самолёт превратился в грудку металла, которая падает. Она снова замерла, парализованная ужасом.

— Ты теряешь высоту! — голос Баркова звучал откуда-то издалека. — Думай! Что нужно делать?!

Она не могла думать. Мозг отказывался работать, запертый в клетке паники. Перед глазами мелькали обрывки: Артём, его крик, её собственные руки, тщетно пытающиеся выровнять машину. Всё повторялось. Всё снова вело к катастрофе.

— Ксения! — Барков схватил её за плечо и встряхнул. — Очнись! Это тренажёр! Ты не в том самолёте! Ты здесь, со мной!

Его прикосновение, его голос, его близость — всё это вырвало её из оцепенения. Она резко вдохнула, как будто вынырнула из-под воды. Глаза сфокусировались на приборах. Она снова была в кабине. Снова могла действовать.

— Планирую, — прошептала она. — Выпускаю закрылки. Ищу площадку.

— Где? — спросил он, не отпуская её плеча.

Она бросила взгляд на навигационный дисплей. Впереди — лес, справа — река, слева — ровное поле.

— Слева, — ответила она. — Буду садиться на поле.

— Добро. Заходи.

Она начала заход. Самолёт терял высоту, но управляемость сохранялась. Ксения работала, не поднимая головы, каждое движение — осознанное, выверенное. Она забыла о страхе, о прошлом, о всём, что не касалось этого момента. Только приборы, только земля, приближающаяся под крылом.

— Высота тридцать, — произнесла она. — Двадцать. Десять.

Касание. Тренажёр дёрнулся, имитируя удар о землю. Затем — тишина.

Ксения откинулась на спинку кресла, закрыла глаза. Сердце колотилось так, будто готово было выпрыгнуть из груди. По лицу стекал пот, руки дрожали.

— Ты зависла, — произнёс Барков после долгой паузы. — Опять.

Она не ответила. Слёзы жгли глаза, но она сдерживала их из последних сил. Не сейчас. Не при нём.

— Но ты вышла, — добавил он тише. — Это главное.

Ксения открыла глаза и посмотрела на него. Его лицо было серьёзным, но уже не жёстким. В глазах — что-то похожее на усталое понимание.

— Я не готова, — прошептала она. — Я не могу...

— Можешь, — перебил он. — Просто тебе нужно время. И нужен тот, кто будет рядом в такие моменты. Не для того, чтобы спасти, а чтобы напоминать: ты не одна.

Она смотрела на него и не верила своим ушам. Ещё вчера он говорил, что не нянька, что страх должен быть побеждён, а не убаюкан. А теперь... Что изменилось?

— Почему вы так говорите? — спросила она.

Он отвёл взгляд, посмотрел на тёмный экран тренажёра.

— Потому что я знаю, что такое терять всё. И знаю, как важно, чтобы рядом был кто-то, кто не даст провалиться в эту бездну.

Ксения молчала. Впервые он открылся ей, пусть на мгновение, пусть всего одной фразой. И это было неожиданно. Как будто за стальной бронёй на миг показалось живое, раненое сердце.

— Кто вы? — спросила она тихо. — Настоящий?

Он усмехнулся, но как-то грустно.

— Человек, который слишком много видел. И слишком мало спал. Пошли, — он поднялся. — На сегодня хватит. Завтра продолжим.

Она отстегнула ремень, вышла из кабины. Ноги были ватными, в ушах всё ещё звенело. Барков ждал её у выхода.

— Вечером не сиди в номере, — сказал он. — Прогуляйся, подыши. Город тут красивый.

— Вы даёте мне советы по отдыху? — она слабо улыбнулась.

— Я даю тебе советы, как не сойти с ума, — ответил он.
— Это разные вещи.

Он ушёл, оставив её одну в полумраке ангара. Ксения постояла немного, собираясь с мыслями, потом вышла на улицу. Вечерело. Небо на западе окрасилось в багровые и фиолетовые тона, обещая ветреную ночь. Она вдохнула холодный воздух полной грудью. Голова слегка кружилась после тренажёра, но это было приятное чувство, похожее на лёгкое опьянение.

Она пошла по улице, не разбирая дороги. Город был незнакомым: серые панельные дома, редкие деревья, витрины магазинов, уже зажжённые тёплым светом. Люди спешили по своим делам, не обращая на неё внимания. И это было хорошо. Анонимность — лучшее лекарство для того, кто устал от чужих глаз.

Она зашла в небольшое кафе на углу, взяла чашку горячего шоколада и села у окна. Внутри было уютно: мягкие диваны, приглушённый свет, тихая музыка. Ксения откинулась на спинку, согрела ладони о чашку. Шоколад был густым, сладким, почти как детство. Она смотрела на прохожих, на огни фар, на своё отражение в стекле. И впервые за долгое время почувствовала что-то, похожее на покой.

Телефон завибрировал в кармане. Она нехотя достала его. Сообщение с неизвестного номера. Всего три слова: «Ты не послушалась».

Ксения замерла. Сладкий вкус шоколада сменился горе-

чью. Она огляделась по сторонам. Люди всё так же спешили мимо, никто не смотрел на неё. Но чувство, что за ней наблюдают, вернулось с новой силой.

Она набрала номер Баркова. Он ответил после второго гудка.

— Они снова написали, — произнесла она, стараясь говорить спокойно. — «Ты не послушалась».

В трубке повисла тишина. Потом его голос, резкий, как удар:

— Где ты?

— В кафе, недалеко от отеля. На углу, кажется, улица Мира.

— Сиди там. Я сейчас.

Он сбросил вызов. Ксения прижала телефон к груди, чувствуя, как страх сжимает горло. Она снова огляделась. Тёмный внедорожник припарковался на противоположной стороне улицы. Фары были выключены, но она видела силуэт водителя. Или ей только казалось.

Через десять минут в кафе вошёл Барков. Он был без формы, в тёмной куртке, накинутой наспех. Глаза его быстро обежали зал, выхватывая лица, выходы, окна. Потом он подошёл к её столику и сел напротив.

— Покажи сообщение, — потребовал он.

Она протянула телефон. Он взглянул на экран, нахмурился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.